



Фото Кирилла Калининкова

О нем написаны тома. Конструктивизму он учился у Татлина, живописца в нем открыл Ренато Гуттузо, Советы не пускали его строить с Нимейером, с Беккетом он создавал книжную версию «театра абсурда», с Пикассо и Сикейросом водил знакомство, с Ростроповичем просто дружил. Андропов уговаривал его подождать демократических перемен, а Брежнев звал пострелять, на охоту... Энди Уорхол, Генри Киссинджер, Артур Миллер, Рокфеллер — ну их кругом он быстро пренебрег. О нем писал и Жан Поль Сартр. Что можно сказать после этого?!

Он по-прежнему неизвестен в России. Неизвестный — скульптор, а это значит: его выставки практически невозможны по причине транспортировки через океан. (Дорого). Более того, он — монументалист, а значит, наиболее представительные его произведения — часть того или иного пространства (обратимости пространства, как известно, не существует). Но только ли в этом причина?

Сердце и крест Неизвестного

ПЕРСОНА

Архетипы страдания можно купить в Москве

Мария ПАСТУХОВА

— При всех больших социальных потрясениях всегда создавалась мифологическая структура. Новое видение мира проявлялось даже в мелочах. Ну вспомните хотя бы Французскую революцию — на следующий день люди вышли в тогах, пели новые песни, были и другие знамения. Успела создать свою систему и фашистская Германия — знаки, ритуалы, жесты... Ленин, еще не обладая всей полнотой власти, намечал план монументальной пропаганды. Поэтому меня потрясает изменение в новой России: они не породили ни одного узнаваемого знака как следствия эпохи. Такого в истории просто не было. Что это: бессодержательность движения или мы имеем дело с недолгим историческим феноменом, память о котором не нужна? А мне кажется, нужна. И я создаю фигуры, которые олицетворяют мое отношение к сегодняшнему дню.

Перестройка в России, как мне представляется, это обращение к сильной личности. И в моих фигурах — обращение к человеку. К его любви, одиночеству, скорби, радости. Это такие скульптуры: «Одинокий», «Балансирующий», «Призывающий», «Указующий», «Падающий». Эти фигуры входят в мой личный план монументальной пропаганды на родине.

Поскольку они обращены к массам, они должны быть массово узнаваемы. Но это узнаваемый фигуратив включает в себя завоевания многих направлений искусства XX века — в просторечье это называется постмодернизм. В этом же ключе решен и монумент «Жертвам сталинизма», который я называю «Жертвам утопического сознания». Эти работы должны быть установлены в Воркуте, Магадане, Екатеринбурге. Работа продвигается очень медленно из-за чиновничьих проволочек с финансированием. (Собственные средства, вложенные в этот проект, я просто не считаю!) А ведь я надеюсь свою главную работу — «Древо жизни» — построить в Москве. Все, что вы видите в моей мастерской, может рассматриваться как самостоятельные работы, и в то же время все это составные части «Древа». И «Кентавры» — 28 скульптур в парке моего дома — тоже.

Кентавр и крест — главные метафоры Неизвестного. Свою книгу о синтезе в искусстве он назвал «Кентавр». Одна из знаменитых его работ «Крест из умирающего Кентавра». Описание-расшифровку этого образа приводит в статье «Квантовый классицизм Эрнста Неизвестного» В. Перелишин («Новый журнал», № 191, Нью-Йорк): «Из находящегося в состоянии предсмертной агонии Кентавра вырастает крест, увенчанный женским лицом. Кто эта женщина? Византийские летописцы называли Святослава Игоревича, отца князя Владимира, императором китоврасов (т. е. тех же кентавров). Когда его рать возвращалась после неудачного похода на Византию, Святослав был убит печенегами; их князь сделал из черепа Святослава чашу, оковал ее золотом и пил из нее во время пиров. Христианство, предвозвестницей которого стала мать Святослава, княгиня Ольга, в символическом смысле и выросло из умирающего Кентавра».

Крест «Сердце Христа» имеет свою историю, о ней

позже. Интересно, что первоначально «Древо жизни» было задумано как «Сердце человека». «Древо жизни» — грандиозный архитектурный и скульптурный комплекс, являющий собой «новый континент, неведомую часть света, созданную воображением одного человека», — считает биограф Неизвестного Эрик Эгеланд. В самом деле, монумент — некий храм, где царствует единство противоположных начал, нет границ между материальным и духовным, явления не имеют внешней или внутренней стороны — потолки и полы прозрачны, а семь спиралей-ярусов соответствуют теории Августа Мебиуса о строении мира... Световые эффекты, кинетические скульптуры...

Но для воплощения замысла Неизвестного построить все это в России нужна поддержка государства. Русская миссия устроила выставку пятиметровой модели «Древа» и собирает средства на бронзовую отливку.

Мой гонимый невозможно оценить, поэтому он даже не ставится в условие, — уточняет Эрнст Иосифович. — ...Любовь и поэзия неуправляемы обществом, но в сегодняшней России нет никаких форм взаимодействия искусства и общества, искусства и государства. Авангард 20-х годов умер в Советской России не по злой воле Иосифа Виссарионовича, а потому что не мог соответствовать массовому сознанию общества и захлебнулся. В «оттепель» 60-х та же история и те же последствия. Сейчас? Я повторяю, плана монументальной пропаганды в стране нет, а вдруг вообще нигде нет — только у меня в голове?! Ну что же делать: потребность в самореализации почти физиологическая в человеке.

С государством у Эрнста Неизвестного отношения всегда были напряженные. Особенно почему-то они обостряются в периоды демократических преобразований...

Вокруг конфликта Хрущева и Неизвестного сплетены легенды и мифы народов СССР. Суть же происшествия можно пересказать в двух словах: генсек вздумал высказать критическое мнение относительно нового искусства, представленного его взору, на что получил «зневную отповедь» художника Неизвестного: «Здесь, на выставке, премьер — я, а не вы». Генсек развернулся и отбыл в свои апартаменты, вскоре с его стороны последовали оргвыводы. В биографиях Хрущева многие авторы этот эпизод преподносят как один из ключевых к его политическому портрету. Эпизоду этому придается и некое метафизическое значение: отсюда пошел откат «оттепели» в общественной жизни страны, отсюда Хрущев стал терять собственные позиции, пока не оказался «один у бассейна в персидском халате» в октябре 64-го. Неизвестный не считает этот эпизод сколько-нибудь значимым в своей судьбе: «Я был художником и до Хрущева». Тем удивительней надается тот факт, что надгробный памятник Никите Сергеевичу создан Неизвестным.

В 1988 году мне довелось спросить об истории этого памятника Сергея Никитовича Хрущева. Он объяснил мне приблизительно так: «История с Манежем осталась весьма непривлекательным фактом биографии отца. В этой истории его попросту подставили, и не

он играл в том конфликте государства с искусством главную роль. Со временем это стало ясно. Но как можно было примирить его, его память с прогрессивным искусством? Своих ошибок он поправить не успел. И тогда мне в голову пришла блестящая мысль: я обратился к Эрнсту — второй персонифицированной стороне конфликта «художник и власть» — и предложил ему, опальному — по вине моего отца — скульптору, создать памятник моему опальному — по чьей вине? — отцу. Во-первых, примирить, хоть и запоздало, стороны, во-вторых, Неизвестному нечего было бояться — он и так в опале. Папин друг Ц. находившийся при новых властях в фаворе, как и при папе, памятник делать отказался. Я не верил в осознание исторической справедливости Неизвестным, я больше надеялся на оригинальность, парадоксальность его натуры. Так или иначе, я оказался прав — он согласился».

Черно-белая голова поражает воображение приходящих на Новодевичье кладбище и по сей день.

Неизвестный, как всегда, отказался прокомментировать свое решение увековечить память Хрущева своей работой и пластическое решение этой работы в том числе. (Правду, быть может, знал лишь Сартр, делившийся с Неизвестным своими пристрастиями к Мао.) «Давайте говорить о чем угодно, только не о нем, надоело, давайте хоть о Папе Римском, что ли!» О Папе Римском? Идем!

— История нашей встречи с Папой такова. Еще при жизни Сталина я начал серию крестов. Я никогда не имел наглости создавать сакральный крест. Крест — довольно канонизирован. Поэтому я делал крест как архетипическое изображение человеческого страдания. Я сперва нахожу архетип, потом — знак. Так сложилось, что об этих работах узнала Католическая Церковь и меня пригласили делать крест для новой церкви в Польше и жить в доминиканском монастыре. Вдруг доминиканцев у нас объявили шпионами Папы, меня отозвали домой, я стал невыездным, работа прервалась. Все, что осталось, — небольшая бронзовая модель того креста — «Сердце Христа». Какими-то путями он попал в Ватикан. И до сих пор там есть маленький зал, мой зал, где стоит мой крест. Когда Папа Иоанн Павел II был ранен, ему вдруг захотелось купить у меня крест. Я не католик, и мое отношение к крестам вам известно, так что религиозного чувства здесь не было — я подарил ему крест из уважения к его личности. Он был тронут, и позже у нас произошла встреча. (Я некоторым образом налаживал его дипотношения с миссией Тайваня.) Я и далее продолжаю серию крестов. Сейчас я перевел их в другой масштаб, и они выполнены в золоте и платине...

Я часто говорю, что всегда хотел быть Микеланджело наших дней и что хотел отливать свои скульптуры в бронзе. В России у меня бы такой возможности никогда не было. Запад технически оснастил меня всем, в России же и камень нужно воровать.

Впрочем, сегодня там некоторые могут приобрести мои золотые кресты — архетипы человеческого страдания: в Москву отправлена моя золотая коллекция...

139